

Сергей ВАРАКСИН

Родился в 1957 году в посёлке Чупа, Карелия. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Фотограф, член Союза фотохудожников России.

Рассказы опубликованы в журналах «Нева», «Урал», «Южная звезда», «Дружба народов» и других. Живёт в Петрозаводске.

СОЛЁНОЕ МОРЕ

Кеды поехали по мокрой коре, и он боком упал на крутящиеся скользкие брёвна, которые тут же разошлись в стороны. Лёха ушёл под воду, ударился головой о сомкнувшийся сверху лес, снова пошёл на дно, пузая пузыри и теряя сознание.

– Опаньки, – сказал появившийся откуда-то небритый мелкий мужик в мятом пиджаке, вставая у него на пути. Он улыбался, показывая во рту жёлтую фикса, и пританцовывал на месте, разводя руки в стороны.

– Гы-ы! – ухмыльнулся сзади него второй, длинный. – Какая встреча!

Он отодвинул плечом мелкого, положил одну руку Лёхе на голову, а второй дал ему под дых. Лёха упал и забарахтался ногами, пытаясь набрать в грудь воздуха.

Бум! – взорвалось у него в голове, и Лёху вырвало какой-то мутной зеленой жидкостью. Это Пашка схватил Лёху за волосы и вытащил на боны.

– Чуть не утонул, мля, – удивлённо сказал Лёха, откашливая солёную, горькую воду.

Посёлок стоял на берегу залива, и местный леспромхоз сбрасывал туда лес для сплотки, а Пашка учил Лёху жить. Он говорил: «Давай!» – и Лёха бежал, задыхаясь от страха, бежал, толкая тяжёлые сырые стволы ногами.

– Козёл! – горячилась Танька.

– Это же брат мой, – оправдывался Лёха.

– Больной он, – вертела Танька пальцем у виска. – Урод, какой-то.

– Дура! – уверенно говорил Пашка.

– Я же люблю её, – защищался Лёха.

– Фигня всё это! – отрезал Пашка, и попавшаяся ему под ноги курица с кудахтаньем вылетала в открытую дверь сарая.

Лёхина тонкая душевная организация трещала по швам. Он перестал спать ночами, писал стихи, а по утрам долго смотрел на себя в зеркало и мучил волосы, раскатывая их по ушам расчёской. На школьной

парте он вырезал ножиком: «Остановите земной шар, я хочу слезть!», а потом закрасил буквы фиолетовой пастой.

– В Москву поеду, – сказал Таньке. Она смотрела на него с гордостью.

Пашка стихов не писал, он читал переписанное от руки пособие по самбо, подстригся налысо и до зимы ходил в спортивных штанах и майке. В сарае у него лежала штанга с колёсами от вагонетки и висел набитый крупными опилками мешок.

– Фигня всё это – говорил он Лёхе, сидевшему с «Забриски-Пойнт» у двери, и бил в мешок ногами. Пыль заполняла сарай до потолка, и Лёха выбегал наружу, чихая и обмахиваясь «Иностранкой».

По субботам ходили в кино к геологам за пару километров по железке. Местные стояли у клуба кучей, плевали под ноги шелуху от семечек и хрипло матерились.

– Что, суки леспромхозовские, опять припёрлись?! – выдёргиваясь из толпы, кричал кто-то из геологических.

– Тебя, дурака, спросить забыли! – под дружный ржач отвечал Лёха. Обратно шли в посёлок, прыгая по шпалам и кривлялись, изображая геологических придурками. Геологические плелись нестройно сзади.

– Вломим вам в следующий раз! – жалобно ругались, пинали ногами воздух.

Пашку забрали в армию, в десант. Через полтора года он пропал в Афгане.

– Без вести, – сказали военные, не помещаясь в коридоре. – Но комиссия работает, надейтесь.

Никто, конечно, не надеялся. Все пили за Пашку водку. Жалели. Танька любила Лёху. Они лежали рядом на песке, и Танька языком лизала Лёхино солёное плечо, вода его рукой себе по бёдрам. Лёха опять рассказывал про Пашку.

– Ну, хватит, задолбал... – сказала Танька, отворачиваясь.

Они шли домой с вечернего сеанса, отстали от своих и долго целовались. Танька обнимала Лёху за шею, висела на нём, поджав ноги.

– Опаньки... – сказал откуда-то взявшийся небритый мелкий мужик в мятом пиджаке, вставая у них на пути. Он улыбался, показывая во рту жёлтую фикса и пританцовывал на месте, разводя руки в стороны.

– Гы-ы! – ухмыльнулся сзади него второй, длинный. – Какая встреча. – Он отодвинул плечом мелкого, положил одну руку Лёхе на голову, а второй достал из кармана нож и воткнул его в Лёху. Лёха упал и забарахтался на шпалах, пытаясь дышать и поднять себя на ватные ноги.

Мелкий взял Таньку за воротник и сильным толчком поставил её на колени.

– Щас, щас, шас... – быстро говорил он, придерживая одной рукой Таньку, а второй расстёгивая ширинку.

Длинный присел над Лёхой и вытирал нож о Лёхины штаны.

Справа от насыпи метнулась чья-то тень и зашуршал гравий.

– Всем стоять, никуда не расходиться! – крикнул кто-то из темноты, задыхаясь от бега.

– Ты кто тако-ой?! – спросил нараспев мелкий, отпуская Таньку и оборачиваясь.

Пашка молча пнул ногой ему в пах. Мелкий согнулся пополам, а Пашка сделал шаг назад и ударил коленом ему в зубы. Мелкий опрокинулся

спиной в рельс, голова сползла в черноту канавы. Теперь длинный сбоку дал Пашке кулаком в лицо. Он печаткой разбил ему губу, так что кровь потекла Пашке в рот. Пашка поморщился и носком ботинка попал длинному под самое колено. Длинный зарычал: «А-а-а!» – и боком лёг на землю. Крутясь, он закрывал от Пашки лицо, но Пашка сел на него сверху и, опираясь левой рукой, стал быстро, попадая через раз, бить длинного правой, пока тот не отключился. Потом он медленно встал, шатаясь, и стоял, в белой майке с пятнами крови, развернув плечи и глотая разбитым ртом воздух.

Крупные капли дождя вдруг разом ударили по шпалам и деревья зашумели вокруг. Танька подбежала к нему, заглядывая в глаза. Пашка резко оттолкнул её, она чуть не упала.

Он подошёл к Лёхе и сел рядом.

– Ничего, – сказал он, – ничего... – Он погладил мокрое Лёхино лицо – Всё это фигня, Лёха.